

РОЛЬ ИНСТИТУТА АМАНАТСТВА В КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ (XVIII – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX В.)

Кязимова С.М.

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства Республики Северная Осетия – Алания, Владикавказ, Россия (362040, Владикавказ, пр-т Мира, 10), e-mail: sami-k@mail.ru

Статья посвящена анализу роли института аманатства в кавказской политике Российской империи в XVIII – первой трети XIX в. Усилившееся со второй половины XVIII в. влияние России на международной арене позволило ей активизировать кавказскую политику, в ходе реализации которой нередко использовались традиционные институты, практиковавшиеся у местных народов для урегулирования политических отношений. Одним из таких институтов стал институт аманатства. В статье кратко освещены его основные функции и показана его трансформация в процессе политического освоения северокавказских территорий Российской империей. Сделан вывод о роли аманатства как важного регулятора внутренних социально-экономических и политических отношений между правительственной администрацией и горскими народами.

Ключевые слова: Северный Кавказ, международное соперничество, Российская империя, институт аманатства, традиционные институты саморегуляции, кавказская политика.

THE ROLE OF THE INSTITUTE OF AMANAT IN THE RUSSIAN CAUCASIAN POLICY (18TH – THE FIRST THIRD OF 19TH CENTURY)

Kyazimova S.M.

V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of VSC and the Government of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Russia (362040, Vladikavkaz, Mira avenue, 10), e-mail: sami-k@mail.ru

The article analyzed the role of the institute of amanat in Russian Caucasian policy in the 18th – the first third of 19th century. The influence of the Russian Empire on the international stage increasing from the second half of the 18th century helped the one to intensify Caucasian policy. During its realization the traditional institutes, which the local peoples used for regulating of their political relationships, were often applied. The institute of amanat became the one of such institutes. The article briefly highlights its key functions and shows its transformation in the course of political development of the North-Caucasian territories by the Russian Empire. The conclusion about the role of amanat as an important regulator of internal social-economic and political relations between the governmental administration and the mountaineers is done.

Keywords: North Caucasus, Russian Empire, international rivalries, institute of amanat, traditional institutes of self-regulating, Caucasian policy.

Ввиду своего географического положения Северный Кавказ был важным стратегическим регионом и всегда находился в центре экономических и геополитических интересов соседних государств. Связывая бассейны Черного, Каспийского и Азовского морей, он находился на пересечении торговых путей между странами Ближнего и Среднего Востока и Россией. Не только уникальное положение этого региона, но и залежи полиметаллических руд, удобные для земледелия и скотоводства предгорные равнины делали его привлекательным объектом внешней экспансии и предметом жесткого военного соперничества сопредельных держав.

Если до начала XVIII в. Северный Кавказ являлся ареной борьбы между Сефевидским Ираном и Османской империей, то на рубеже XVII–XVIII вв. в борьбу за Северный Кавказ

включается третья держава – Россия. Для Российской империи, не имевшей доступа к южным морям, Северный Кавказ представлял важнейшую стратегическую базу, овладение которой снимало вековую проблему выхода к морским побережьям и открывало транскавказские пути в Азербайджан, Армению и Грузию. Однако помимо военно-стратегического, Кавказ имел для России еще и самостоятельное политико-административное значение прежде всего как перспективный объект экономического освоения. Обширные и плодородные территории степного Предкавказья, полиметаллические рудные богатства в горах Центрального Кавказа по обе стороны хребта представляли несомненный интерес для внутреннего российского рынка [7, с.166].

В середине 30-х гг. XVIII в. соперничество держав за обладание Кавказом вступает в новую фазу, отмеченную заметным изменением соотношения их сил. В Иране, наконец, восстановилось единовластие: фактическим правителем страны стал Надир – талантливый полководец, рассчитывавший поправить государственные дела новыми завоевательными войнами, одним из объектов которых стал Кавказ. Он начал борьбу с Оттоманской Портой за возвращение ранее принадлежавших Ирану территорий, отторгнутых от него Петербургским от 12(23) сентября 1723 г. и Стамбульским от 12(23) июня 1724 г. соглашениями. Завоевательные планы Надира, в сущности, продолжали политическую линию, которой традиционно придерживались Сефевиды, – он не только стремился к восстановлению прежних позиций Ирана в прикаспийской зоне, но и пытался проникнуть вглубь Северного Кавказа, совершая в 30–40-х гг. XVIII в. опустошительные нашествия на Дагестан [5, с 418-426].

Опасаясь угрозы совместных ирано-турецких действий на Кавказе, российское правительство выводит свои войска из прикаспийских областей, тем самым пытаясь превратить Иран из потенциального противника в союзника. Обнаружив в лице Надира серьезного конкурента, Россия предпочла пойти на территориальные уступки Ирану, заключив с ним Рештский 21(1февраля) января 1732 г. [12, с.194-202] и Гянджинский 10(21) марта 1735 г. договоры [12, с.202-208]. Подписание этих трактатов по-своему удовлетворяло обе стороны: Россия, отказываясь в пользу Ирана от полученных ранее прикаспийских областей, заручалась его поддержкой в случае войны с Портой, что позволило ей несколько смягчить в свою пользу напряженную политическую обстановку; Надир же восстанавливал таким образом «статус-кво», существовавший до подписания Петербургского соглашения.

Естественно, Порта не могла не отреагировать на российско-иранские договоры, она всячески противилась усилению Надира и пыталась военным путем вернуть себе территории, отошедшие Ирану в соответствии с российско-иранским трактатом.

Реализуя свои геополитические планы в этом регионе, Россия предпочитала использовать дипломатические переговоры, так называемую тактику «приласкания» кавказских владетелей и старшин. Так, в указе императрицы Елизаветы Петровны от 20 апреля 1742 г. верным России горским владетелям постановлялось выделять сверх жалованья «в прибавок по 500 рублей в год», оказывать им тайную поддержку, «при всяких случаях пристойным образом по-прежнему ласкать и от протекции Е.И.В. не отлучать... под оной искусным образом стараться содержать» [11, с. 107]. Эти действия, конечно же, не могли сравниться с шахскими и султанскими методами устрашения и насилия и выгодно отличали Россию в представлениях местных сообществ, обеспечивая ей лояльность со стороны их социальных верхов.

Однако при всей напряженности борьбы за северокавказские территории решающим этапом в истории Северного Кавказа стала вторая половина XVIII в. В этот период Россия не только ставит перед собой задачу охраны и укрепления южных рубежей, но и предпринимает реальные шаги, направленные на включение Северного Кавказа в состав Российской империи, что не могло не вызвать противодействия со стороны Турции, поддерживаемой западноевропейскими державами. Это противостояние привело во второй половине XVIII в. к русско-турецкой войне 1768–1774 гг., которая окончательно изменила расстановку сил в регионе в пользу России. Подписанный 10(21) июля 1774 г. в русском лагере у селения Кючук-Кайнарджи мирный договор [12, с.24-41] положил основание новому устройству Северного Кавказа [10, с.104]. В соответствии с условиями международного права Российская империя получала санкционированную договором возможность распоряжаться Центральным Кавказом. Статья 21 договора передавала России Большую и Малую Кабарду (см.: [4, с. 204-205, 286]), что резко изменило положение на Кавказе в пользу империи, которая могла уже официально заняться административным обустройством этой территории и укреплением южных границ. Подтверждение права России на Кабарду означало косвенное признание принадлежности к ней также и Осетии, ряд обществ которой находился в зависимости от Кабарды.

С конца XVIII в. начинается период фактического поглощения Северного Кавказа и утверждения российских государственных порядков. Внедрение Российской империи в политическое и социокультурное пространство Северного Кавказа трансформировало многие традиционные институты регулирования социальной жизни местных народов. При этом помимо откровенного подкупа горской социальной знати империя нередко прибегала к использованию ряда традиционных институтов для внеполитического влияния на местные

сообщества. Одним из них стал институт аманатства, широко привлекаемый администрацией в отношениях с традиционными элитами.

Проблема аманатства интересна сама по себе, но, к сожалению, совершенно недостаточно изучена в литературе о Кавказе. Исключения составляют отдельные работы, посвященные бытованию института аманатства у ряда кавказских народов [8;6;2]. Обобщая работы исследователей по проблеме, можно уверенно утверждать, что аманатство – это явление общекавказского масштаба, отмечаемое как на Северном Кавказе (в Дагестане, Ингушетии, Балкарии, Кабарде, Осетии), так и в Закавказье (азербайджанцы, грузины). Более того, ареал распространения этого института гораздо шире географических границ Кавказа: он существовал у арабов, персов, крымских татар, украинцев и др.

Обращаясь к понятию «аманат», следует отметить его арабское происхождение. Само оно означает «вещь, отданную на хранение», «что доверяется», «заложник». Судебник царя Вахтанга VI, а также документы того периода указывают, что «аманати» – вещь неодушевленная, отданная на хранение [6, с. 9].

Что можно сказать относительно арабского происхождения термина «аманат»? Тяжелый гнет арабского ига не прошел бесследно для Закавказья, в частности, для Грузии. Но по сей день остается неясным, каким же образом задело горный регион Грузии утвердившееся на равнине арабское владычество, где удостоверяется торможение процесса феодализации и сближение западной и восточной ее частей. Периодическое ослабление центральной феодальной власти способствовало консервации у горцев некоторых форм общинного быта [6, с. 11]. Однако открытым остается вопрос относительно сохранности термина «аманат» в регионе проживания горцев восточной Грузии (в западной Грузии, в частности, в ее горной части, термин «аманат» не фиксируется). Здесь заслуживает внимания такой момент, как вывод автора статьи «amanat» в последнем английском издании «Энциклопедии Ислама» (см.: [6, с. 11]) об изначальных истоках происхождения понятия aman-amanat в мире древнего семитизма. Резюмируя рассуждения исследователя, следует считать, что «amanat» происходит от «aman», что означает «безопасность», «укрытие», «покровительство». Посредством этого института человек, очутившийся вне закона и вне своей группы, принимает протекцию (защиту) посторонней ему группы, что часто подразумевает и защиту со стороны «святого места», почитаемого данной группой [6, с. 12]. Следовательно, понятие «aman» по своему значению относится к социально-религиозному миру.

Таким образом, аманатство как социальное явление прошло сложный и длительный путь. С одной стороны, сохранность его и утверждение в горном регионе Кавказа

естественно, если учитывать арабское влияние, с другой же стороны – представляется возможным исключить заимствование термина «аманат» из мира собственно арабского, т.е. не приурочивать его к эпохе арабского владычества, а соотнести со значительно более ранними контактами разноэтничных патриархальных социальных групп. Впрочем, нельзя полностью отрицать заимствование горцами термина «аманат» в период (или позднее) арабского владычества. Однако все же основное значение аманатства в жизни кавказских горцев сводится к стремлению горца, оставшегося в своей общине вне закона, восстановить свой законный статус в общине чужой.

Что же вынуждало горца покинуть свой родной кров и идти в аманаты? В аманаты горец шел лишь в крайнем случае, лишившись права оставаться в своих родных местах по причине кровничества. Таким образом, основной причиной аманатства становится убийство со своим неизбежным и тяжелым последствием – кровной мезтью. Изгнание убийцы из родных мест предусматривалось и государственным законом. Шестой параграф законов царя Георгия Блистательного гласил о неминуемом изгнании убийцы. Лишь по истечении определенного срока и уплаты пострадавшему цены крови (композиции) убийце разрешалось вернуться в свою исконную обитель [3, с. 106].

Фиксируются еще такие причины, как клевета, кража, нанесение оскорбления, нарушение брачного запрета – все это квалифицируется как неподчинение внутреннему порядку, установленному в общине [6, с. 20].

Таким образом, основной смысл аманатства поначалу сводился к принятию покровительства чужого социума, что делает этот институт специфической разновидностью искусственного родства, истоки которого следует искать в недрах поздних родовых общин. Его социальные функции в подобной форме бытования заключались в регулировании хозяйственно-экономических и социальных связей и отношений между принимающим социумом и той группой или индивидом, которые брались под его покровительство (см.: [6, с. 13]).

Однако аманатство практиковалось и в качестве регулятора политических отношений как между самими кавказскими народами, так и между ними и российской администрацией. Бурная внутривнутриполитическая жизнь на Кавказе актуализировала такую форму аманатства, как заложничество. Практику использования аманатов в качестве заложников широко применял Шамиль. В указанном значении рассматриваемый термин неоднократно фигурирует и на страницах периодической печати XIX в. В то же время в Закавказье, в частности, у грузинских горцев, в указанном значении термин не фиксируется.

Аманатство как инструмент политического влияния Российской империи на Северном Кавказе в своем развитии прошло две стадии. Первая, или начальная стадия, по времени совпадающая с периодом установления тесных сношений между Россией и Северным Кавказом, характеризуется отсутствием явно выраженных элементов принуждения, тогда как его вторая стадия – это насильственное отбирание аманатов и заложников. Аманатство в этой стадии представляет собой не что иное, как заложничество – инструмент обеспечения лояльности горской знати новой политико-административной системе. Принимая присягу на верноподданство Российской империи, горские общества обязывались выдавать аманатов. При этом практика выдачи аманатов из влиятельных горских феодальных, узденских и старшинских фамилий для сохранения верности России касалась практически всех горских народов региона. Так, например, в апреле 1808 г. шеф Владикавказского гарнизонного полка ген.-м. И.К. Ивелич рапортовал главноуправляющему в Грузии ген.-фельдм. И.В. Гудовичу: «На каковыя их (тагаурских старшин. – С.К.) уверения положиться не можно и если не будут удержаны в Тифлисе из фамилий Есеновых, Мансуровых, Тулатовых и из Маклова, по одному из рода аманатов, то по возвращении их в ущельях шалости чиниться не перестанут...» [1, с. 219].

Эта практика использовалась и в Дагестане. «25 января 1735 г. (генерал Левашов. – С.К.) взял присягу от бунтующего усмия Ахмет-Хана кайтакского в принятии его со всем народом по прежнему в российское подданство и взял от него в крепость Святого креста в аманаты Заузана, племянника Усмиева, внука джангутейского Чапал-Бека, родного дядя Усмиева. Еще взяты тогда аманаты: из Губдени, деревни подвластной шамхалу, в коей владеют князья и уздени, Елдаров внук Гамизай. Кяфир – кумыкский Чаук Бекеев, который умер при терском редуте 28 декабря 1736 года. Ерпелинские или Ирпели деревни (в соседстве Анцуга) жители (муганского поколения) Паташ Акламов и Перебудак Будаев Карабудакский, Алхас Фадеев, Бутнакский Алхас Атажукеев. От Буйнака также были у нас аманаты с 1729 и в 1734 году. Аманаты были 1735 г.: От Большой Кабарды 11, Малой 4. От кумыкских владельцев Аксайских – 1, Эндерийских – 4, Чеченских – 2» [3, 128-129]

Практика выдачи аманатов касалась и балкарских таубиев, первое упоминание о выдаче детей которых в аманаты исследователи относят к 1822 г. [10, с. 218-220].

Аманаты от северокавказских горцев содержались в Терках, Святом Кресте, Кизляре, Моздоке, Астрахани: в Терках в начале XVIII в. аманатов было 14 человек, в Святом Кресте в 1733 г. – 18 человек, в Кизляре в 1760 г. – 20 человек [9, с. 193], все в возрасте от 3 до 26 лет. Горским аманатам выдавалось жалование, размер которого был обусловлен социальным происхождением аманата. Дети кабардинских, аксайских и кумыкских князей получали в год

147 руб. 60 коп.; узденские дети – 49 руб. 20 коп., дети старшин – от 15 руб. 60 коп. до 48 руб. [2,с. 194].

Сроком пребывания в аманатах формально считался один год, по истечении которого аманат подлежал освобождению, а его место – замещению новым аманатом. Однако освобождение аманата к формально установленному сроку почти никогда не происходило. Многие горские аманаты содержались настолько долго, что успевали окончательно обрусеть, и навсегда оставались в России. Те же, которые по освобождению возвращались на родину, оставались настроенными пророссийски, являясь, по сути, проводниками иной культуры в местной среде [9, с. 195].

В русских пограничных крепостях существовали даже специальные аманатские школы. 1 февраля 1829 г. по указанию начальника Кавказской области, командующего войсками на Кавказской линии Г.А. Эммануэля была открыта аманатская школа в крепости Нальчик. Предписывалось, «чтобы находящиеся от разных горских народов в залог покорности их аманаты занимались по мере письменным учением, как на турецком, ровно и на русском языках» (цит. по: [10,с.218-219]). И несмотря на то что история аманатской школы оказалась недолгой, ее роль в формировании пророссийской ориентации представителей местной знати была весьма значительной. Судя по специальным исследованиям деятельности аманатской школы в Нальчике, «курс» обучения в ней прошло около 20 детей в возрасте 9–13 лет (см.: [10,с.219]). Однако все эти дети были выходцами из знатных балкарских и осетинских фамилий.

В течение всего периода административно-политического освоения Северного Кавказа российская администрация активно использовала практику аманатства, видя в детях-аманатах не только заложников, но и проводников российской культуры и общественного устройства. В то же время в условиях Кавказской войны институт аманатства служил достаточно эффективным механизмом поддержания стабильности на Центральном Кавказе и содержания в покорности горских обществ.

Таким образом, сложный комплекс социальных, хозяйственно-экономических и природно-географических факторов обусловил появление на Кавказе института аманатства, который играл важную роль в стабилизации общественных отношений, гарантируя индивиду или группе защиту и покровительство со стороны чужого социума. Ко времени окончания Кавказской войны и наступлением нового этапа российско-северокавказских отношений в административно-правовой и социокультурной сферах запускается интеграционный механизм, что ведет к изживанию института аманатства, переставшего уже играть роль

важного регулятора внутренних социально-экономических и политических отношений между правительственной администрацией и горскими народами.

Список литературы

1. Акты кавказской археографической комиссии. Т. III.
2. Битова Е.Г. Балкарская знать в условиях включения в административно-политическую систему Российской империи // Исторический вестник Института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2005. Выпуск II. С. 141-165.
3. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. С.-Петербург, типография императорской академии, 1869. 654 с.
4. Долидзе И.С. Судебник Георгия Блистательного. Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1957.
5. Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: Изд-во АН СССР, 1955. 367 с.
6. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988.
7. Канделаки М.Б. Из общественного быта горцев грузин – институт аманатства. Тбилиси: Мецниереба, 1987. 139 с.
8. Кобахидзе Е.И. «Не единою силою оружия...»: Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ, 2010. 450 с.
9. Кокиев Г.А. Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. // Известия ЮОНИИ. Сталинир, 1933. Вып. I. (Отдельный оттиск.)
10. Муратова Е.Г. Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. Нальчик: Эль-Фа, 2007. 417 с.
11. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. 241 с.
12. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.: Наука, 1991. 221 с.
13. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб., 1869.

Рецензенты:

Чибиров Л.А., д.э.н., профессор, зав. отделом этнологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований и. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А, г. Владикавказ.

Кобахидзе Е.И., д.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований и. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А, г. Владикавказ.